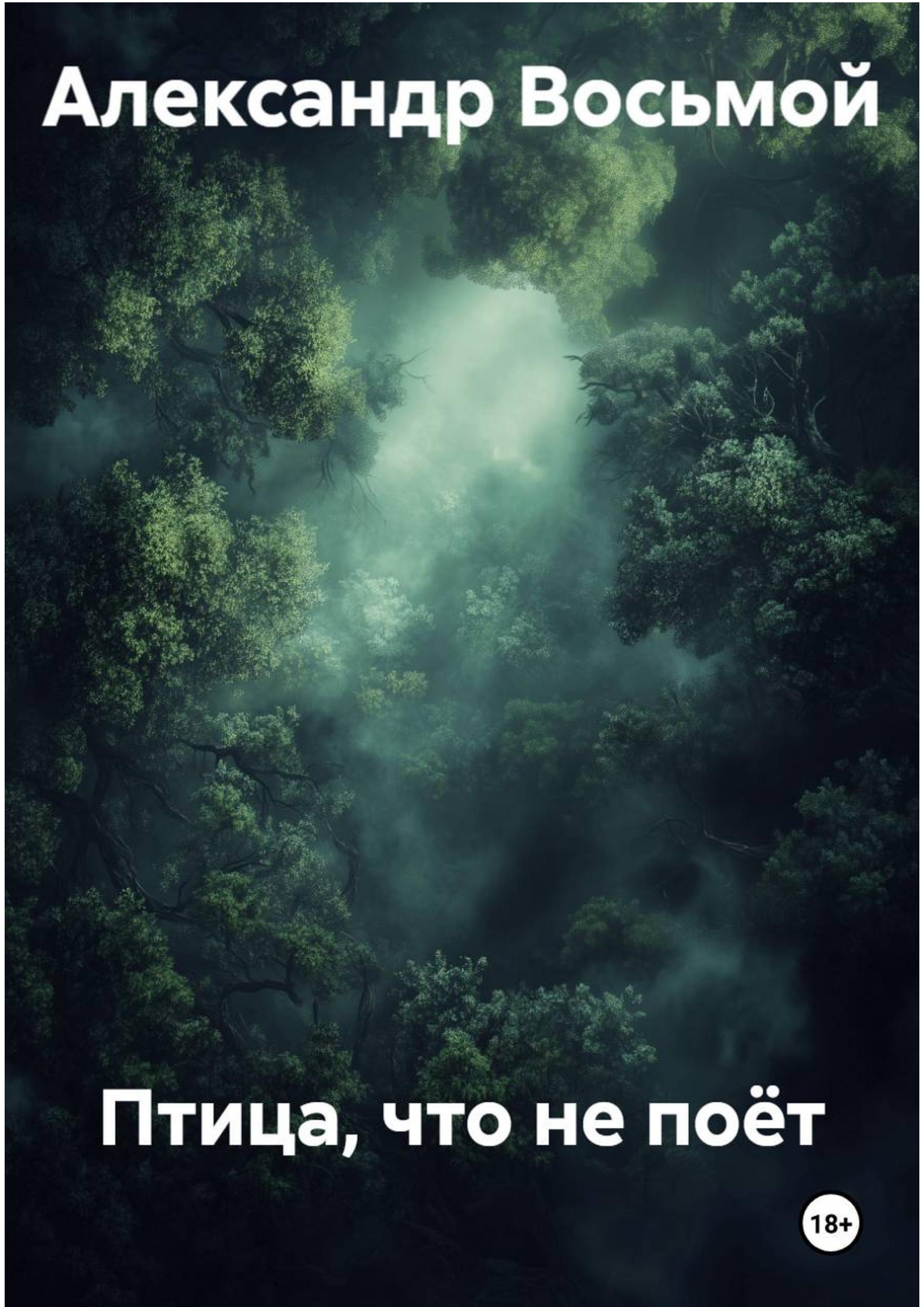

Александр Восьмой

Птица, что не поёт

18+

Александр Восьмой
Птица, что не поёт

«Автор»

2026

Восьмой А.

Птица, что не поёт / А. Восьмой — «Автор», 2026

В деревне верят: если птица сядет на крышу и не запоёт до рассвета — кто-то уйдёт навсегда. Когда такая птица появляется над домом сироты Примы, старейшина велит ей уйти из деревни до восхода. Но Прима не хочет уходить: она знает, что птица прилетела не за ней, а за кем-то другим. Мрачная сказка-триллер о выборе, который нельзя отменить. Деревня просыпается в мире, где птицы поют снова. Прима стоит на крыше, с которой улетела та, другая. Фаргуса нет. Окси плачет — но не по нему, а по себе: она молчала слишком долго. Даффи дописывает пятую страницу в хронике. Оптима чинит крышу. Палломал сидит у реки и впервые за семь лет не слышит голоса отца. Где-то далеко, над другой деревней, на другой крыше — садится птица. И пока не поёт.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Птица, что не поёт

Глава 1. Молчаливый прилёт

Той ночью ветер принёс перья, а не песни. Птица опустилась на крышу дома Примы — и мир затих. Ни сверчков, ни дыхания реки. Даже тени будто сжались, прижавшись к стенам, словно боялись шевельнуться. Деревня проснулась с одним ощущением: что-то село на край их жизней и пока не решило, кому уходить.

Прима стояла у окна, вцепившись пальцами в разошедшуюся раму. Перья кружились в воздухе, как хлопья чёрного снега, и оседали на подоконник. Птица не шевелилась. Чёрная, с угольно-блестящими перьями, она смотрела вниз — прямо на Приму — и не издавала ни звука. А по деревне уже бежала весть: «Птица, что не поёт... Она села на дом сироты».

У колодца старейшина собрал людей. Его голос звучал глухо, будто пробивался сквозь толщу льда:

— До рассвета она должна уйти. Так гласит закон. Если птица не запоёт до восхода — кто-то уйдёт навсегда. И лучше, чтобы это была не она.

Вокруг закивали. Лица были бледными, глаза — отведёнными в сторону. Никто не хотел смотреть на Приму. Только Фаргус шагнул вперёд, будто хотел что-то сказать, но слова застряли у него в горле. Даффи Толстяк, стоявший рядом, тихо сжал плечо парня, удерживая его на месте.

— Я не уйду, — прошептала Прима, хотя её никто не слышал. Она смотрела не на людей, а на птицу. Та по-прежнему не шевелилась, но в её неподвижности чувствовалась тяжесть ожидания, словно она держала в клюве чью-то судьбу и раздумывала, когда её выпустить.

Окси подошла к Приме, когда толпа начала расходиться. Её голос дрожал:

— Говорят, она выбирает не того, на чей дом села... Говорят, она смотрит на того, кто должен уйти. Ты ведь не думаешь, что...

Прима покачала головой. Она не думала. Она знала. Птица прилетела не за ней. Прима видела, как тень от крыла скользнула по лицу старика Оптима, когда тот стоял у забора, ссутулившись и глядя в землю. Видела, как перья, кружась, ложились рядом с его сапогами. И теперь в груди у неё билось не только её собственное сердце — оно делило ритм с чьим-то чужим, обречённым.

Ночь тянулась, как натянутая струна. Палломал, обычно шумный и дерзкий, теперь стоял в стороне, кусая губы, будто пытался удержать в себе крик. Он смотрел на Приму, будто хотел броситься к ней, но страх перед древним знаком держал его на месте.

А птица всё сидела. Не шевелилась. Не пела. И тишина становилась тяжелее с каждой минутой, словно сама ночь набирала вес, готовясь придавить кого-то из них.

Рассвет был ещё далеко. Но время уже начало течь иначе.

Глава 2. Закон безымянного рассвета

Старейшина вышел к людям с фонарём, которого боялся сам. Пламя внутри дрожало, будто знало, что освещает не просто лица, а приговор. В его руке тускло поблёскивал старый свиток, а рядом, на грубом камне у мельницы, темнели выщербленные временем буквы: «Если птица молчит до первого луча — хозяин дома должен уйти. Навсегда. Без прощания. В сторону чёрного леса».

Деревня кивала. Тихо, покорно, будто каждый уже заранее смирился с тем, что ночь заберёт кого-то из своих. Тени от фонаря ползли по лицам, стирая привычные черты: Фаргус

казался старше своих лет, Окси прижимала ладони к груди, будто хотела удержать сердце на месте, Даффи Толстяк стоял, ссутулившись, и смотрел в землю. Даже дерзкий Палломал замер, не решаясь бросить ни слова против.

Только Прима не кивала. Она стояла прямо, сжав кулаки так, что побелели костяшки. В её глазах не было слёз — только упрямая, острая ясность.

— Я не уйду, — сказала она, и голос прозвучал громче, чем кто-то ожидал. Даже фонарь будто вздрогнул, и пламя на миг вытянулось вверх, как испуганная стрела.

Старейшина медленно поднял взгляд. В нём читалась усталость человека, который слишком долго хранил чужие страхи.

— Закон не спрашивает, хочешь ли ты. Он просто есть. Как ветер. Как снег. Как эта птица на твоей крыше.

Прима шагнула вперёд.

— Птица не смотрит на меня.

Кто-то в толпе ахнул. Кто-то перекрестился. Оптима, стоявший у края, чуть наклонил голову, будто прислушивался к чему-то, чего не слышали остальные.

— Она смотрит на другого, — продолжала Прима, и теперь в её голосе звенела не только упрямство, но и знание, от которого становилось холодно. — Я видела, как её тень легла на того, кто старше всех. На того, кто дольше всех держал эту деревню на плечах.

На мгновение время будто остановилось. Даже ветер, вечно круживший у мельницы, затих, словно тоже ждал, что скажет старейшина.

Он не ответил сразу. Только крепче сжал рукоять фонаря, и металл тихо скрипнул под его пальцами.

— Ты хочешь сказать, что знаешь, за кем она пришла?

Прима не отвела взгляда.

— Я знаю, что она не за мной.

Толпа зашевелилась, как единый испуганный зверь. Окси сделала шаг к Приме, будто хотела утянуть её назад, в безопасность молчания. Фаргус сжал кулаки, готовый встать рядом, если придётся. Палломал, наконец, выдохнул:

— Пусть тогда уйдёт тот, кого она выбрала! Разве это справедливо — гнать сироту?

Старейшина поднял руку, и шум стих. В тишине стало слышно, как где-то далеко, у самой кромки чёрного леса, хрустнула ветка — будто кто-то или что-то ответило на слова Палломала.

— Закон говорит ясно, — произнёс старейшина, и голос его прозвучал непривычно мягко, почти устало. — Но он также говорит, что выбор должен быть сделан до первого луча. До того, как небо начнёт светлеть.

Рассвет был ещё далеко. Но в этой деревне уже никто не думал о сне. Каждый прислушивался к тишине, к шороху перьев на крыше, к тяжёлому биению собственного сердца — и гадал, чей шаг станет последним в эту ночь.

Глава 3. Сирота, которая отказалась

Прима Виктория стояла перед собравшимися — не гордо, не вызывающе, а просто прямо, будто сама земля под её ногами вдруг стала твёрже. И когда она тихо произнесла: «Я не уйду», — деревня замерла. Даже ветер, вечно путавшийся в соломенных крышах, будто прикусил язык.

Старейшина побледнел. Его пальцы, сжимавшие рукоять фонаря, побелели, а пламя внутри дрогнуло, словно тоже почувствовало, как качнулся привычный порядок вещей. Он хотел что-то сказать — привычное, тяжёлое, из тех слов, что веками держали деревню в узде, — но слова застряли где-то в горле, тяжёлые и горькие.

Фаргус сделал шаг вперёд — единственный, кто смотрел на Приму без страха, будто в её тишине видел не бунт, а правду. Но он не успел заговорить. Потому что поднял глаза к крыше — и увидел.

Птица сидела неподвижно, чёрная, как сгусток самой ночи. Но теперь Фаргус заметил главное: её взгляд не был прикован к Приме. Он скользил по толпе, тяжёлый и медленный, будто ощупывал каждого, пробуя на прочность. И в какой-то миг этот взгляд задержался на фигуре у края круга — на мужике Оптима, который стоял, ссутулившись, будто уже чувствовал, как невидимая рука ложится ему на плечо.

Фаргус застыл. Всё внутри него кричало: «Она не за Примой!» — но язык не поворачивался произнести это вслух, будто само признание могло сделать выбор неизбежным.

Окси, стоявшая чуть позади, прижала ладонь к губам, будто хотела удержать крик. Даффи Толстяк тихо шагнул ближе к Оптима, словно хотел заслонить его своей широкой спиной, хотя оба знали: от взгляда птицы не спрячешься. Палломал стиснул кулаки, его лицо искажилось от напряжения — он хотел броситься вперёд, нарушить эту жуткую тишину, но не знал, как ударить по тому, чего нельзя коснуться.

Прима не смотрела ни на старейшину, ни на толпу. Она смотрела на птицу. И в её взгляде не было вызова — только упрямая ясность, как у того, кто видит истину, которую остальные боятся признать.

— Она не за мной, — повторила Прима, и на этот раз её голос прозвучал не как отказ, а как приговор чему-то старому и несправедливому. — Посмотрите на неё. Она выбирает не того, на чей дом села. Она выбирает того, чья тень длиннее.

В толпе кто-то тихо всхлипнул. Кто-то перекрестился. А Оптима медленно поднял голову, и в его глазах мелькнуло странное спокойствие — спокойствие человека, который наконец услышал то, что давно ждал.

Старейшина опустил фонарь. Пламя, лизнув его пальцы, на миг вспыхнуло ярче, будто прощалось с привычным миром.

— Закон не знает исключений, — прошептал он, но в голосе уже не было прежней твёрдости. — Но если ты говоришь правду... тогда рассвет должен решить не только твою судьбу.

Ночь тянулась, как натянутая струна, готовая лопнуть от малейшего звука. Птица не шевелилась. Не пела. И каждый в этой толпе чувствовал, как время сжимается, спрессовываясь в последние мгновения до первого луча — мгновения, в которых предстояло узнать, кто уйдёт, а кто останется.

Глава 4. Человек, который верил в утро

Оптима был из тех, про кого говорят: удержит крышу в любую бурю. Руки — как дубовые корни, плечи — будто вырезаны из камня, который сам лес обтёсал ветрами. Но когда он вызвался проводить Приму до границы чёрного леса, деревня увидела другое: не силу, а что-то тихое и обречённое, прячущееся за этой силой, как свеча за каменной стеной.

— Не изгнать, — сказал он старейшине, и голос его прозвучал ровно, будто уже всё для себя решил. — Проводить. Чтобы знала дорогу. Чтобы не ушла одна.

Старейшина посмотрел на него долго, пристально, будто пытался разглядеть трещину в камне. Но Оптима не отвёл взгляда. Он просто ждал. И старейшина кивнул — медленно, будто сам не верил, что кивает.

Они шли молча. Деревня осталась позади — тёмные крыши, тёмные окна, и на одной из них — тёмная птица, неподвижная, как вырезанная из ночи. Дорога к лесу петляла через поле, где трава стояла серебристая от росы, будто кто-то рассыпал по земле осколки лунного света. Оптима шёл чуть впереди, примявши траву тяжёлыми сапогами, и Прима видела, как широкая его спина чуть вздрагивает при каждом шаге — не от холода, а от чего-то другого.

Наконец он заговорил.

— Был я мальчишкой, — сказал он, не оборачиваясь, и голос его вдруг стал мягче, будто ветер смял острые углы. — Бабка рассказывала сказку. Про птицу, которая однажды всё-таки запела.

Прима молча шла рядом, слушая.

— Птица села на дом кузнеца. Молчала всю ночь, как и положено. Все ждали: вот-вот запоёт. Деревня не спала. Кузнец стоял во дворе и смотрел на неё. Ждал. А перед самым рассветом — запела. Тихо, чуть слышно, как последний вздох. Все обрадовались: значит, обошлось. Никто не уйдёт.

Он замолчал. Трава шуршала под ногами. Где-то далеко, у кромки леса, темнели деревья, будто сгрудившиеся вокруг костра, который давно погас.

— А наутро, — продолжил Оптима, и голос его стал глуше, будто он говорил из-под земли, — кузнец вышел из дома и не вернулся. Птица запела — но не для того, чтобы спасти. А чтобы дать надежду. Чтобы он не сопротивлялся.

Прима остановилась.

— Зачем вы мне это рассказываете?

Оптима обернулся. Лицо его было спокойным, но в глазах, обычно тёплых и надёжных, как печной огонь, теперь мерцало что-то холодное и древнее.

— Потому что ты веришь, что птица прилетела не за тобой. И, может быть, ты права. Но сказка, которая кончается хорошо, — это та, которую не успели досказать. Птица запела — и кузнец всё равно ушёл. Запела ли она для него или для кого-то другого — никто не узнал. Он ушёл, и всё.

Лес надвигался. Деревья стояли чёрной стеной, и между стволами не было видно ни зги, будто лес начинался и тут же кончался — там, внутри, не было ничего. Только темнота.

— Я провожу тебя до границы, — сказал Оптима тихо. — Но дальше не пойду. Не потому что боюсь. А потому что знаю: если птица смотрит на меня — мне нечего ей сказать. Я верил в утро всю жизнь. И сейчас верю.

Прима посмотрела на него — на его огромные, мозолистые руки, на лицо, изрезанное морщинами, как старое дерево — и вдруг поняла: он не провожает её. Он прощается.

— Вы не вернётесь, — прошептала она. Не вопрос. Констатация.

Оптима усмехнулся — криво, одними губами.

— Рассвет всегда прав, девочка. Даже когда несправедлив.

Где-то позади, в деревне, на крыше маленького дома, птица шевельнулась впервые за ночь. Не запела. Просто повернула голову — в сторону леса. В их сторону.

И Оптима это почувствовал. Остановился. Поднял ладонь — не прощаясь, а будто хотел удержать что-то невидимое, что уже начало утекать сквозь пальцы.

— Иди, — сказал он. — Фаргус ждёт тебя. Окси плачет. А я... мне нужно постоять здесь ещё немного.

Прима сделала шаг к лесу. Потом ещё один. И только когда тени деревьев обняли её, она обернулась: Оптима стоял на границе поля и леса, огромный, неподвижный, с руками, способными удержать крышу в любую бурю.

Но не способными удержать рассвет.

Глава 5. Дом, где слышно дыхание

Ночь не кончалась. Луна застыла в небе, как монета, брошенная в замёрзшее стекло, и даже звёзды будто перестали двигаться, словно время свернулось в петлю и застряло где-то между «ещё ночь» и «уже утро».

Прима вернулась в дом одна. Фаргус хотел идти за ней, но она покачала головой, и он остался у порога, стоя, как часовой, хотя понимал, что от того, что ждёт внутри, не защитит ничем.

Сначала было просто тихо. Потом дом начал дышать.

Прима услышала это, когда поставила чайник на стол: стены расширились и сжались — едва заметно, на толщину тени, но достаточно, чтобы по спине пробежал холод. Чайник вдруг оказался на полке. Не упал, не передвинулся — просто был на столе, а стал на полке, будто кто-то невидимый решил, что так правильнее.

Дверь в дальнюю комнату приоткрылась. Прима знала свой дом: три комнаты, низкие потолки, трещина в стене у печи. Но за этой дверью была комната, которой она не видела никогда. Тёмная, длинная, без окон, с потолком таким высоким, что он терялся в темноте. Оттуда тянуло холодом и запахом перьев.

Прима не вошла. Захлопнула дверь и прижалась к ней спиной.

Потом увидела стены.

На побелке, медленно проступая, как проступают старые татуировки на коже утопленника, начали проявляться рисунки. Перья — крупные, с мелкими завитками, будто каждое рисовали не спеша, с любовью. Глаза — круглые, с вертикальным зрачком, смотрящие прямо на неё. Крылья — раскинутые в полёте, занимающие стену от угла до угла, и каждый штрих на них дрожал, будто они вот-вот расправятся и дом разлетится, как картонная коробка.

Прима прижала ладони к ушам. Но дом дышал не снаружи — он дышал изнутри, и это дыхание шло сквозь стены, сквозь пол, сквозь её собственные ступни.

Окси пришла на рассвете. Настоящем — том, которого ещё не было, но которое уже чувствовалось, как далёкий звон в ушах. Она не стучала. Дверь открылась сама — плавно, бесшумно, будто приглашала.

— Прима? — позвала она шёпотом.

Прима сидела у печи, обняв колени, и смотрела в пол. На полу, в пыли, была нарисована спираль — но не прочерчена, а вдавлена, будто что-то тяжёлое кружило здесь, снова и снова, прокладывая след.

— Не закрывай глаза, — сказала Прима, не поднимая головы. — Что бы ни случилось — не закрывай.

Окси хотела спросить почему, но тут увидела потолок.

На потолке была тень. Её тень. Но не сейчас — а на три удара сердца позже. Окси подняла руку. Её отражение на потолке стояло неподвижно. Один удар. Два. Три. И тень подняла руку — точно так же, с тем же наклоном головы, с тем же изгибом пальцев.

Окси опустила руку. Один. Два. Три. Тень опустила.

— Она отстаёт, — прошептала Окси, и голос её дрожал так, что слова почти рассыпались. — Она... ждёт.

— Она не отстаёт, — сказала Прима тихо. — Она запоминает. Каждое движение. Каждое дыхание. А потом, когда мы перестанем двигаться...

Она не договорила.

Окси медленно повернула голову к стене. Рисунок крыла, проступивший на побелке, теперь шевелился — перо за пером, медленно, как дыхание спящего зверя. И в центре крыла,

там, где перья сходились к телу, открывался глаз. Не нарисованный. Настоящий. С вертикальным зрачком, блестящий, как мокрый уголь.

Он моргнул.

Окси вскрикнула — и в тот же миг тень на потолке вскинула руки и беззвучно закричала тоже. Три удара сердца спустя.

Прима схватила Окси за запястье и потянула к двери. Дом скрипнул — не как дерево, а как что-то живое, недовольное, упрямое. Дверная рама сузилась на толщину пальца. Пол под ногами стал тёплым, будто кожа.

Они выбрались на двор. Воздух ударил в лицо — холодный, живой, настоящий. На крыше сидела птица. Всё та же. Чёрная. Молчащая.

Но теперь, на стене дома, там, где раньше ничего не было, проступил рисунок: дверь. Раскрытая. Ведущая в комнату, которой нет.

И оттуда, из темноты за дверью, донеслось дыхание. Тихое. Ровное. Чужое.

Где-то у околицы, на границе поля и леса, Оптима всё ещё стоял — огромный, неподвижный, с руками, способными удержать крышу в любую бурю. И луна, застывшая в небе, наконец дрогнула — впервые за всю ночь. Но не###. Назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.